

Научная статья
УДК 340
doi: 10.17223/22253513/47/2

Универсальность права как основа консенсуса государства и граждан в контексте правового регулирования и юридического прогнозирования

Карэн Владимирович Агамиров¹

¹ *Институт государства и права Российской академии наук,
Москва, Россия, agamirow@yandex.ru*

Аннотация. Исследуются основы взаимоотношений публичной власти и личности в контексте правового регулирования и юридического прогнозирования. Легитимность законодательных установлений детерминирована, с одной стороны, их восприимчивостью, сознанием субъектов права и с другой – решимостью публичной власти отстаивать интересы национальной безопасности. Авторская концепция универсальности права позволяет нивелировать противоречия долженствования этики доктрины позитивизма и метафизической свободы либертарно-юридической теории.

Ключевые слова: право, государство, правовое регулирование, юридическое прогнозирование, социум

Для цитирования: Агамиров К.В. Универсальность права как основа консенсуса государства и граждан в контексте правового регулирования и юридического прогнозирования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 47. С. 17–34. doi: 10.17223/22253513/47/2

Original article
doi: 10.17223/22253513/47/2

Universality of law as a basis for state-citizen consensus in the context of legal regulation and legal anticipation

Karen V. Agamirov¹

¹ *Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, agamirow@yandex.ru*

Abstract. The article explores the basis of the relationship between the state and the individual in the relationship between legal regulation and legal anticipation. The legitimacy of legal regulation depends on the extent to which it corresponds to citizens' perceptions of law and, at the same time, the extent to which it protects national security. The universality of law, outlined in the article, makes it possible to eliminate the contradictions between the statism of positivism and the metaphysics of libertarian-legal theory.

The universality of law makes it possible to integrate in the legal system the essence of the positivist doctrine and the propriety of the libertarian-legal concept with a

constructive outlet for the final rational that captures the infinite dialectical movement of legal matter.

The positivist due reflects the formalised significance of the normative establishment and anticipates its realisation. Libertarian-legal proper predicts the optimal, reproducing the true essence of the norm. The rational transforms equality in ought (formal equality) into equality in being (actual equality), confirming the universality of law as an index of the circulation of legal matter from predetermined normativity (proper) to optimality (proper) and the final subject-practical expedient (rational).

The methodology of the universality of law determines the existence in the legal system of obligatory and sufficient characteristics for the effective action of state and public institutions towards the protection of the constitutional order and respect for human rights, namely:

- a) The protection of national security and public safety;
- b) the retention of public power within the Hegelian "boundaries of order" - limiting its intrusion into the private sphere;
- c) the existence of inalienable rights and freedoms and guarantees for their realisation;
- d) the continuous modernisation of all parts of the legal system according to evolving political, socio-economic and spiritual-moral conditions.

In this way, the interplay of national security and the directed development of the institutions of a free society is guaranteed, reflecting the coordinated mutual responsibility of public authorities and citizens.

The concept of universality of law develops a polemic about the synthesis of positivist and libertarian-legal types of legal understanding with the predominant importance of the social vector of law as an intrinsic property of universality that contributes to the firm foundation of the rule of law and social state - human rights and freedoms and conditions of free development and dignified life.

Normative legal acts pass through people's consciousness in one way or another and are legitimised depending on the correspondence, on the one hand, to the state's tasks of protecting national security and, on the other hand, to citizens' hopes for a decent life based on the universality of law as a guarantee of their communication and mutual self-restraint.

Keywords: law, state, legal regulation, legal forecasting, society

For citation: Agamirov, K.V. (2023) Universality of law as a basis for state-citizen consensus in the context of legal regulation and legal anticipation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 47. pp. 17–34. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/47/2

Правовая основа государства обусловлена порядком его образования – договором, фиксирующим существование свободных и равноправных участников, способных вступать друг с другом в компромиссы с целью урегулирования социально важных проблем. В связи с этим нелишне вспомнить теорию сопротивления тирании Дж. Локка, согласно которой подобный протест можно полагать легитимным тогда, когда публичная власть не реализует своей функциональной миссии, а именно не охраняет такие ценности, как жизнь, свобода и имущество граждан, покушается на них и этим позиционирует себя как инициатора войны, что является поводом для снятия обязательства к повиновению и переводит сопротивление в разряд правомерных действий [1. С. 128–131].

Подобное положение априори неприемлемо. Самоограничение государства и личности наделено субстанциональными свойствами, способствующими

щими, с одной стороны, преобразовать принцип формального равенства либертарной теории в отстаиваемый автором настоящей статьи принцип фактического равнодействия, а с другой – сгладить правовой этатизм позитивизма при следовании принципу единства различий, направляющего право на гарантию социального консенсуса через урегулирование социальных разногласий в контексте всеобщей правовой формы [2. С. 190], ибо цель права состоит в балансе общественных интересов [3]. (Данную позицию не разделяет А.И. Экимов, считающий право средством реализации целей при отсутствии таковых у него самого [4. С. 15].)

С.С. Алексеев идентифицирует логику права с логикой жизни, которая детерминирует неотвратимость и жесткую обусловленность правовых явлений и процессов, и понимает сформированное на нормативных установлениях позитивное право не как имеющееся, а в большей степени как должное; не то, что существует на самом деле в настоящее время, а то, на что обязан направить свои усилия правоприменитель [5. С. 224]. Таким образом, в предмет позитивизма инкорпорируется характерное для либертарной теории долженствование.

На этот вывод ученого сподвигли мысли о логике права как целостности «двух китов» – разума и опыта. Первый вкладывает в правовые решения оптимизирующую рациональность, а второй на основе судебной практики, правотворчества и законотворчества генерирует правовую материю со своей собственной логикой, обращающей право к сущности цивилизации – защите свободы личности (обнаруживающей ее самобытность как духовной субстанции) и устраняющей из людского бытия насилие и произвол [6. С. 145].

Законодательное сопровождение взаимоотношений государства и личности призвано привносить в правовую систему не только разумные и полезные, но и справедливые нормы, интегрируя их в единую совокупность моделей стратегического и отраслевого характера, что лежит в русле нашей авторской концепции правопонимания в виде универсальности права, фиксирующей в правовой системе сущее в должном и должное в сущем с результативным выходом на рациональное. Данная концепция исходит из диалектической закономерности бесконечной циркуляции правовых явлений и процессов, и то, что в данный момент является приемлемым, через некоторое может быть отвергнуто. Поэтому отмечаемая Г. Кельзенем дуалистичность в сознании должного и сущего позволяет рассуждать и о некотором надлежащем [7. Р. 6], так как даже еще необнаруженная (умозрительно гипотетическая) норма способна воспроизводить пребывающий воображаемо в виде идеи мыслительный акт [8. С. 19], и тогда снятие различия действительности и действенности произойдет посредством закрепления наличного сущего в пока еще эфемерном надлежащем [9. Р. 312].

Должное в праве (что должно стать) раскрывает формализованную ценность нормы. Сущее в праве воссоздает исполнение нормы на стадиях правореализации и правоприменения. Надлежащее в праве переводит сущее из должного в феноменологически трансцендентальное оптимальное –

прогностически идеальное, отражающее подлинный смысл нормативного установления (как-то: нормы договора купли-продажи обращены одновременно на достижение потребностей покупателя и продавца и согласованности в области материально-денежных отношений; избирательное законодательство имеет своей целью гарантию политических прав и свобод личности и вместе с тем защиту демократических основ государства и т.д.) [10. С. 368–393]. Возможное в праве презюмирует объективацию какой-либо юридической конструкции при наличии конкретных обстоятельств. Рациональное в праве преобразовывает равенство в должном (формальное равенство) в равенство в сущем (фактическое равнодействие).

Пентада универсальности права «должное – сущее – надлежащее – возможное – рациональное» как результат репродукции «должного» и «сущего» служит индексом движения правовой материи от предопределенной нормативности (должного) к данности (сущему), оптимальности (надлежащему), потенциальности (возможному) и конечному предметно-практическому целесообразному (рациональному).

Поскольку абсолютная справедливость изначально невозможна, а составляющую часть конструкции универсальности права пропорциональную справедливость (о ней мы выскажемся позже) каждый может понимать по-своему, то постулат «Право как искусство в оказании пользы и соразмерной справедливости» (*ars boni et aequi*) [11. С. 795] в трактовке концепции универсальности права можно позиционировать следующим образом: «Право как инструмент в упорядочении пределов условной справедливости с внутренними и внешними границами».

Теперь о пропорциональной справедливости. В авторском понимании она представляет собой справедливость, соответствующую вкладу члена социума в его направленное развитие. Чем больше такой вклад, тем выше его шансы на государственные и общественные поощрения.

Вообще же внутренние рубежи как условной, так и пропорциональной справедливости зависят от взглядов индивида на право как общественно конструктивный регулятор поведения. Внешние рубежи исходят из согласованности действующих нормативных установлений и преобладающих в социуме воззрений на должное. К тождеству свести различия этих границ невозможно, а вот минимизировать противоречия в восприятиях права – необходимо нужное дело, и имманентный юридическому прогнозированию мониторинг существующих апперцепций публичной власти и граждан на правовую жизнь есть путь к достижению консенсуса между ними.

Условная справедливость (необходимость, целесообразность) в методологизме универсальности права вызывает к жизни обладание правовой системой обязательных и достаточных характеристик для бесперебойной деятельности государственных и общественных структур и соблюдения прав человека, а именно:

- а) защита национальной и общественной безопасности;
- б) удерживание публичной власти в гегелевских «границах порядка» – ограничение ее вторжения в частную сферу;

в) наличие неотчуждаемых прав и свобод и гарантии их реализации;
г) непрерывная модернизация всех частей правовой системы согласно эволюционирующим политическим, социально-экономическим и духовно-нравственным условиям.

Пропорциональная справедливость подвигает членов социума на согласованность собственных устремлений с нуждами государственного и общественного развития.

Подобным образом обеспечивается взаимоохват государственной безопасностью, которая поддерживается непрерывным совершенствованием системы его институтов по траектории согласованности их функционирования с запросами современности и поступательного движения учреждений свободного социума, а право служит нормативной опорой, гарантирующей деятельное и эффективное администрирование во всех звеньях публично-правовых образований и координированную обоюдоответственность государства и граждан [12. С. 35], включая религиозную сферу [13].

Иногда появляется вопрос: а следует ли конструировать новые концепции, категории и понятия, которых и без того в правовой науке более чем достаточно?

Известный исследователь правовых категорий А.М. Васильев [14] подчеркивает, что определение права включает в себя комплекс теоретических конструкций, выявленных в ходе его изучения во всех ракурсах; по этой причине многообразные понятия этого феномена вполне допустимы и необходимы, так как ни одно из них не может быть сведено к одному-единственному [15. С. 60–61]. В том числе и расплывчатые суждения в теории права и других социальных дисциплинах как итог глубоких умственных упражнений, перегораживаясь на манер кровельной черепицы, иногда даже на уровне интуиции, прокладывают путь к заслуживающим доверия рекомендациям по модернизации правового регулирования [16. С. 9]. Вместе с тем каждое понятие имеет не всеобъемлющую суть, а существует в конкретных границах, определенных заданной проблемой и обстоятельствами ее снятия [17. С. 62].

Концепция универсальности права пытается оживить дискуссию о синтезе и антитезе позитивистского (сущего) и либертарно-юридического (должного) типов правопонимания, отстаивая при этом социальный вектор права как имманентное свойство универсальности, способствующей слаженности основ правового и социального государства, закрепленных ст. 2 и 7 Конституции Российской Федерации, – прав и свобод человека и условий его достойной жизни [18, 19].

Эта тема приобретает особую остроту в нынешнее постиндустриальное время, отворяющее двери человеку знания, но в то же время вносящее диссонанс в межличностные отношения членов социума и снижающее показатель социального благополучия – значительное большинство людей не наделены выдающимися способностями, и они в материальном плане уступают более даровитым и деятельным. Выказывает ли подобная дис-

гармония ограничение прав и свобод человека и отступление от начал социальной справедливости? На поставленный вопрос следует ответить отрицательно.

Будучи выражением формального равенства и всеобщей равной меры, право, наряду с этим, не имеет возможности осчастливить всех без исключения. С одной стороны, позиционируясь в обязательных к исполнению нормативных установлениях и обнаруживаясь во вне как фактическая субстанция правовых явлений и процессов, право способствует поддержанию эквивалента и симметрии во взаимодействиях участников правового общения и призвано не разъединять, а объединять их; с другой стороны, сами по себе формальное равенство и всеобщая мера не в состоянии аннулировать неодинаковость индивидов – формальное равенство на то и формальное, что отвлечено от объективной данности.

На это обращает внимание и основатель либертарной концепции понимания В.С. Нерсесянц, подчеркивая, что проявление принципа равенства в отношениях между людьми не устраняет исходные различия между ними. Право опредмечивает и упорядочивает имеющиеся несходства по неделимому основанию, трансформируя вероятные различия в формальную конкретную неравноправность изначально независимых, равных и свободных граждан [20. С. 34], и это не попирает принцип их формального тождества – право привносит определенный порядок в хаос социальных несоответствий [20. С. 34], и все части правовой системы (отрасли и подотрасли, институты и нормы права) должны быть мобилизованы на законодательное сопровождение общественных отношений с участием государства и личности.

Одновременно с этим право отслеживает и нивелирует последствия наличных расхождений, наделяя обделенных в материальном отношении индивидов системой гарантий для более или менее полновесной жизни и духовного совершенствования, в том числе при устройстве на работу, поступлении в вузы, организации отдыха, культурного досуга, занятий спортом и пр. Для выживания социума публичная власть должна подойти к его функционированию в высшей степени ответственно с учетом актуальной сегодня как никогда проблемы неравномерности квотирования материальных благ и порождаемых ею социальных распрей.

Публичная власть и право присутствуют в жизни людей повседневно, и они оценивают их под углом своего либо комфортного, либо дискомфортного существования – финансового положения, возможности использования духовных ценностей и пр. [21. С. 48]. Нормативное установление с отрицательным зарядом, фальсифицирующее правовые и моральные ценности, является источником учреждения антинаучных идей, идеологий и доктрин, выгораживающих и защищающих соответствующие практики [22. С. 133].

Государство как один из ключевых факторов развития должно контролировать общественные процессы [23. С. 15] и сдерживать негативные последствия социального прогресса, способствовать установлению справед-

ливой социальной системы с цивилизованными членами социума, имеющими обширные права и свободы [24]. Так как человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства (ст. 2 Основного закона), то показатель воплощения этих прав и свобод служит первостепенным мерилем действенности законодательства [25. С. 20].

Усиление результативности государственного влияния на происходящие в социуме процессы и применение закона в качестве координатора функционирования институтов публичной власти обретают сегодня первостепенную важность [26], и поэтому налицо насущность фиксации сущностно согласованных друг с другом уровня жизни граждан и благодеяния государства в перечне основных проблем юридического прогнозирования [27. С. 87].

Обозначенная специфика корреляции государства и личности, свободы и ответственности диктует на современном этапе такие ведущие прогнозные векторы поступательного движения правовой системы, как:

а) модернизация нормативной базы в направлении роста ее качественных характеристик;

б) интеграция правовой системы с политической, социально-экономической, духовной и другими сферами жизнедеятельности;

в) нормативная поддержка социальных прав и свобод, мотивации общественно значимого поведения и социальной инициативы личности;

г) законодательное нивелирование свойственного сегодняшнему дню крайнего социального расслоения, ликвидация нищеты как причины социальных потрясений, рационализация в целом отношений собственности, дисгармония которых на фоне экономических новаций исключительно восприимчива для общественного сознания [28]. Все это диктует настоятельную необходимость наращивания контрольных функций публичной власти и гражданского общества за осуществлением принципа распределения в зависимости от производительности труда;

д) развитие в правовой системе гуманистических черт и духовно-нравственных параметров;

е) гибкое сочетание в методах правового регулирования императивных и диспозитивных начал.

Реализация отмеченных позиций предполагает последующее углубление общетеоретической и в особенности отраслевых правовых концепций и доктрин – отраслевые нормы, подинституты, институты исполняют свое предназначение лишь в том случае, если будут не просто фиксировать наличную правовую действительность, но и соотноситься с детерминантами, обуславливающими магистральное направление их поступательного движения.

Г.А. Злобин весьма близок к истине, когда замечает, что социальное обоснование правовых норм базируется как на осознании необходимой (иногда индуцированной в той или иной эпохе. – *Авт.*) потребности в новых общественных регуляторах, так и на прогнозировании их логического

становления, так что предметное социальное ядро нормы устремлено в будущее и неминуемо наполняется прогностической составляющей [29].

В нынешние времена данная ориентация получает дополнительный импульс. Будучи многогранным средством превентивного воспроизведения сегодняшнего дня и реализации очерченных целей [30. С. 56], право как никогда нуждается в надежном прогностическом инструментарии [31. С. 13]. Исходя из этого, прогностическое значение права в качестве орудия опережающего влияния на данность предписывает насущность нормативных установлений также упреждающего характера, парируя таким образом тезис о безуспешной попытке сформировать право как результат издания законодательного акта помимо становления адекватных отношений [32. С. 80].

Общество знаний обнаруживает масштабные возможности в политической, социально-экономической, духовной и прочих сферах жизнедеятельности и одновременно ставит новые задачи перед правовым регулированием, предполагающие синтез индивидуального права и коллективной цели, суждений о правах и суждений о целях [33. С. 132]. Из этого следует, что юридическое прогнозирование как фактор стратегии поступательного движения законодательства должно исходить в своей методологии из всеобъемлющих оценки и учета, с одной стороны, ведущей тенденции эволюции правовой системы и направленности модернизации всех ее частей, и с другой – из непрерывного анализа социального действия права – практики правоприменения и правового поведения, отражающих легитимацию нормативных установлений, приведение к общему знаменателю устремлений публичной власти и граждан.

Комплексная парадигма изучения права (учет воздействия на него политических, экономических, идеологических, национальных, исторических, культурных, религиозных и прочих традиций) предполагает, по мнению В.М. Шафирова, непригодность дифференциации в структуре составных частей того или иного компонента в качестве определяющего, который влияет в значительной степени на остальные [34. С. 43–44]. Однако для юридического прогнозирования, замечает В.М. Сырых, методологическую значимость представляет именно ведущая тенденция развития как ключевая версия прогноза [35. С. 422]. Во все времена, а сегодня в особенности она заключается в консолидации нормативно-правовой базы и возрастании влияния правового регулирования государственной и общественной жизни.

Это требует развития системного понимания будущего, применения интегративного метода при разработке политических, социально-экономических и прочих прогнозов, синтеза научных знаний представителей общественных и естественных наук. В то же время, по мысли Ю.А. Тихомирова, юридическое прогнозирование вовсе не обслуживает установленные нормативы, а само занимается на основе имеющегося методологического потенциала моделированием государственных и общественных институтов [27. С. 41].

Модернизация нормативно-правового массива служит первичным условием и практической субстанцией для прогнозных оценок движения правовой системы.

Теоретическая парадигма предусматривает:

а) установление перспективного спектра социальных связей, правовое упорядочивание которых будет востребовано в ближайшем, среднесрочном и отдаленном будущем;

б) аргументацию и разработку проектов нормативных установлений, призванных к вторжению в общественную среду для ее правовой регламентации;

в) оптимизацию законодательной поддержки ранее нормативно урегулированных сфер жизнедеятельности;

г) построение прогнозов вероятных перемен в совокупности методов и форм правовой регламентации.

Правовое регулирование является незаменимым инструментом влияния на сопредельную политическую, экономическую социальную, духовную реальность, и как центральная правовая категория, пронизывающая всю правовую материю, придает юридическому прогнозированию мощный импульс для решения поставленных перед ним задач и реализации присутствующих функций, непрерывно обновляя его методический потенциал [36]. Вопросы правового регулирования были подробно проанализированы во многих научных работах, в числе которых необходимо отметить фундаментальный труд Ю.А. Тихомирова [37]. Правовые модели как прогнозируемые версии наиболее приемлемой правовой регламентации вызревающих правовых явлений и процессов исследуются учеными Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Эти модели являются императивной составной частью в комплексе формирования целей осуществления очередного этапа становления регулируемой области общественных отношений и адекватного правового порядка, обозначения последовательности правовых регуляторов в формате совокупности норм права, определения сферы субъектов правового регулирования и выделения требуемых финансовых, информационных и других средств [38. С. 6].

Правовое регулирование, в представлении В.В. Ершова, заключается в согласном сосуществовании:

а) нормативного регулирования;

б) индивидуального регулирования;

в) саморегулирования [39].

При этом само определение «нормативное регулирование», по мнению ученого, является теоретически спорным, а практически непродуктивным [40. С. 386].

Методология юридического прогнозирования обосновывает дифференциацию следом за наличной правовой регламентацией перспективного правового регулирования, которое базируется на правовой парадигме будущего. При всей полемичности заявленной темы [40. С. 387] в отношении индивидуальной регламентации следует вывести, что самостоятельным видом правового регулирования она не является, так как совмещается с нормативным регулированием. В качестве доказательства можно привести

такие индивидуальные средства правового регулирования, как гражданско-правовые, трудовые и прочие договоры, которые имеют своей основой законодательные установления, а их соотнесение с определенными участниками правоотношений не упраздняет их нормативной природы.

В труде ученых Института правовых исследований и НИИ «Высшая школа экономики» регулирующий эффект права рассматривается в контексте перспектив использования тех или иных методов рационализации влияния правового регулирования на экономические и социальные процессы и учета практики формирования исполнителями нормативных установлений совокупных докладов об оценке регулирующего воздействия (ОРВ) [31]. В исследовании вычлняются субъекты права, находящиеся под воздействием правового регулирования, подвергается анализу стоимостная составляющая расходной и доходной частей бюджета, затраты участников предпринимательской и другой экономической деятельности, возможные отрицательные результаты от выбранного способа правовой регламентации, критерии и индексы оценки осуществления ее целей. ОРВ, которая отличается от экономической экспертизы [41. С. 25–28], служит достойным средством профессионального обмена мнениями между государственными учреждениями и специалистами [42. С. 139] для разработки эффективных, экономически разумных нормативных правовых актов и учета социально-экономических последствий их принятия [41. С. 3–4]. Возрастание роли ОРВ законодательного массива детерминирует предупреждение и предотвращение дефектов правового регулирования [43. С. 189–190].

Одновременно следует признать, что ОРВ не является альтернативой прогностическим разработкам, а представляет собой один из его методических инструментариев на финальном отрезке прогностического этапа законотворческого процесса, предвещающего вывод о рентабельности проекта нормативного установления. Применение ОРВ отдельно от остальных стадий может повлечь за собой опрометчивые и недоброкачественные заключения, а присоединение к ней «проработки вопроса о наличии проблемы» [31. С. 24] является неоправданным, так как подобная проработка – не что иное, как предпрогнозная ориентация, представляющая собой исходный этап построения правового прогноза.

Процесс подготовки юридических прогнозов обусловлен порядком поступательного движения стандартов модернизации обмена информационными ресурсами, ситуационными данными и выбора вариантов урегулирования проблемы. В силу того что юридическое прогнозирование – это стабильный способ как теоретической, так и (преимущественно. – *Авт.*) практической регламентации социально-экономической жизни [44], экспертно-му прогнозированию в своих пилотных проектах надлежит обосновывать оптимизацию предлагаемых мер по совершенствованию государственно-правовых механизмов на уровне компетентных структур исполнительной власти [45].

В связи с этим Д.А. Керимов отмечает, что масштабы юридического прогнозирования предопределяют кроме всеобъемлющих проблем пер-

спективного состояния правовой системы также и практические аспекты (например, прогностическая ситуация с криминогенностью по той или иной категории уголовных дел в данном регионе), и лишь непосредственная взаимосвязь ключевых и утилитарных прогностных исследований служит условием их социальной и правовой значимости [46. С. 282].

Закономерность эволюции правовой системы современного социума заключается в консолидации правовых основ во всех сферах государственной и общественной жизнедеятельности. Об этом предупреждали еще советские юристы. Так, согласно прогнозу В.Н. Кудрявцева, в условиях стремительности и неустойчивости социального бытия (а они сегодня зашкаливают. – *Авт.*) необходимость в нормативном поддержании социальных процессов будет прогрессировать [47. С. 5]. Именно это мы сегодня и наблюдаем – рост влияния правовой системы влечет за собой существенное расширение сферы регламентации социальных связей [48. С. 125–136; 49. С. 10–11].

Вместе с тем данную закономерность не следует рассматривать однолинейно. Как раз решение новых политических, социально-экономических, духовных и прочих проблем предвосхищает обратную тенденцию к ослаблению правовой регламентации в областях, в которых право не способно практически воздействовать на преобразование каких-либо общественных связей. При ограниченных возможностях правового регулирования в части способа производства, прогностически корректирует Ю.Г. Ткаченко, его шансы намного возрастают в социальной сфере. Но и здесь значение правовой регламентации имеет обратную пропорцию важности предметных закономерностей, стимулирующих модернизацию экономических отношений. Роль правового регулирования основательно прогрессирует в политической и духовной сегментах жизнедеятельности, однако и на этих участках его результативность тоже не может быть реализована в полной мере [50. С. 100].

Данное рассуждение весьма актуально для сегодняшнего дня. Нормативное сопровождение социальных отношений должно иметь место лишь в случае предварительно проведенного моделирования эффективности проекта законодательного установления.

Вместе с тем многие социальные связи, на самом деле востребованные для правового регулирования, по-прежнему остаются вне его сферы (как то: процедуры электронного документооборота; проблемы, относящиеся к праву граждан и учреждений на информацию; неурегулированные вопросы в брачном договоре, касающиеся неимущественных прав и обязанностей супругов, и др.). Законодательные установления рассчитаны на практическое урегулирование социальных отношений, и, следовательно, основное условие качества нормативного правового акта заключается в аргументированном воспроизведении этих отношений [51. С. 52–53]. Юридическое прогнозирование охватывает всю правовую систему и как ее ведущее звено призвано осуществлять регулятивный надзор за отходом правовых явлений и процессов от установленных законотворческих параметров.

Нормативные правовые акты, не имеющие, с одной стороны, поддержки людей и, с другой – действенного механизма осуществления, можно

считать обреченными, пусть они в целом и являются целесообразными. И если нормотворец проявил инициативу по устранению того или иного пробела, то ему надлежит неуклонно двигаться вперед, а не застревать на полдороге. Правовое регулирование не заделывает дыры в социальных связях, оно представляет собой цельное воздействие на них со стороны публичной власти для их устойчивого развития и предельного упорядочивания.

В связи с этим продолжают озадачивать сумма материнского капитала, не гарантирующая молодой семье необходимую социальную помощь и, в первую очередь, возможность приобретения отдельного жилья; несовместимые со стоимостью жизни детские пособия, выплаты инвалидам и безработным; уровень жалованья бюджетников и пр.

Практическая недоступность достойной безвозмездной врачебной помощи, фактическое отсутствие осуществимости получения подходящего высшего образования, низкие заработные платы и пенсии, гигантская армия нетрудоустроенных – данные и прочие факторы сегодняшней действительности крайне отрицательно сказываются на социальном самочувствии граждан и служат благодатной средой для политических дельцов всех мастей, подстрекающих к так называемой твердой руке, а фактически – к диктатуре.

Амортизация социального накала посредством права представляет собой самое действенное и развитое средство гармонизации интересов и потребностей различных групп населения и содействия устойчивости общественной жизни и поддержанию правопорядка. Очевидная серьезная обусловленность законодательного массива от социального пространства и продиктованная тем самым обязательность наиболее полного учета внешних причин, оказывающих влияние на правовую жизнь, программируют прогнозирование и преобразование социальной среды как таковой, обеспечивая таким способом достоверность юридических прогнозов [46. С. 284].

Правовая система должна быть мобилизована как на устранение пробелов регламентации социальных отношений и недостатков конкретных законодательных установлений, так и на упреждение общественного развития. Предвидение возникновения новых областей правовой регламентации, прогностические факторы и модели их формирования и развития, планирование на данной базе краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных законодательных инициатив, фиксация имеющихся и возможных рисков в тех или иных сегментах правовой материи, выявление степени устойчивости и результативности наличных и проекционных нормативных установлений – вот субстанциальные структурные элементы юридического прогнозирования, способствующие реконструкции правовой системы в нынешнем, чрезвычайно сложном периоде ее функционирования.

Стратегические начала законодательства формируются возрастанием влияния правовых норм на весь диапазон социальных связей. В то же время объективация общественного развития не обнаруживается изолированно, а предполагает инициативность людей [52. С. 35]. Исходя из этого, дифференциация прогностической функции критики существующего зако-

нодательства, отвечающей требованиям юридического прогнозирования и превентивного воспроизведения в законотворчестве [53. С. 237–238], требует также включения в нее прогностического посыла о возможном как о должном.

Так или иначе, главное предназначение государства – быть опорой для граждан, нежели гегелевским господствующим «земным божеством» или ницшевским «холодным чудовищем», навесившим меч и навязавшим им сотни желаний. Это, однако, вовсе не означает торжество неограниченной свободы. Практическая (реальная) свобода зиждется, с одной стороны, на возможности государственного принуждения и с другой – на осознании людьми неизбежности согласования общих и частных интересов.

Нормативные правовые акты в любом случае проходят через человеческое сознание, и они обретают легитимацию постольку, поскольку отвечают как потребностям публичной власти, обусловленным необходимостью обеспечения национальной безопасности, так и ожиданиям граждан. Сглаживание расхождений между долженствованием этиатического позитивизма и свободой либертарно-юридической метафизики может быть достигнуто посредством паритетности социального контроля государства и заботы гражданского общества о благах его субъектов на базе универсальности права как залоге их коммуникации и двустороннего самоограничения [54], [55. С. 103, 108, 253].

Список источников

1. Габрелян Э.В. Теоретическая интерпретация государства эпохи модерна // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 1. С. 128–131.
2. Лапаева В.В. Социология права / под ред. В.С. Нерсисянца. М. : Норма; ИНФРА-М, 2000. 287 с.
3. Иеринг Р. Борьба за право / пер. с нем. С.И. Ершова. М. : Феникс, 1991. 64 с.
4. Экимов А.И. «Конвергентная модель» развития общества и право // Право и современные государства. 2015. № 4. С. 11–18.
5. Алексеев С.С. Линия права. М. : Статут, 2006. 461 с.
6. Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия. Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М. : Статут, 2000. 256 с.
7. Vinx L. Hans Kelsen's pure theory of law: le-gality and legitimacy. Oxford : Oxford University Press, 2007. X, 230 p.
8. Чистое учение о праве Ганса Кельзена: к XIII конгрессу Международной ассоциации правовой и социальной философии (Токио, 1987) : сб. переводов / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Разумович ; пер. С.В. Лезов, Ю.С. Пивоваров. М. : ИНИОН РАН, 1987. Вып. 1. 195 с.
9. Kelsen H. The Pure Theory of Law, Its Method and Fundamental Concepts // L.Q.REV. 1934. 474 p.
10. Варламова Н.В. Правотворчество как процесс позитивации права: содержание, формы, процедуры // Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации / отв. ред. Н.С. Соколова. М. : РУНБ, 2006. С. 368–393.
11. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства : учебник. 3-е изд., доп. М. : Норма; ИНФРА-М, 2016. 816 с.
12. Смирнов В.В., Агамиров К.В., Фролова Е.Е. Национальная безопасность и модернизация права. Часть I // Образование и право. 2018. № 9. С. 32–40.

13. Старцун В.Н., Агамиров К.В., Овчаров О.А. Религиозные права российских военнослужащих в контексте национальной безопасности // *Право и государство: теория и практика*. 2019. № 3. С. 17–25.
14. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М. : Юрид. лит., 1976. 264 с.
15. О понимании советского права: «круглый стол» «Советского государства и права» // *Советское государство и право*. 1979. № 7. С. 56–74.
16. Леванский В.А. Моделирование в социально-правовых исследованиях / отв. ред. О.А. Гаврилов. М. : Наука, 1986. 157 с.
17. Стомба А.В. Правовая ситуация как исток бытия права. Харьков : ФО-П Лисяк Л.С., 2006. 176 с.
18. Агамиров К.В. Новый тип правопонимания // *Человеческий капитал*. 2013. № 11. С. 15–22.
19. Агамиров К.В. Универсальное право // *Наука: теория и практика-2015 : сб. науч. ст. по материалам XI междунар. науч.-практ. конф. 7–15 августа 2015 года*. Варшава, 2015. Vol. 2: *Pravo. Politologija. Filozofia. Historia: Przemysł. Nauka i studia* / red. naczelna S. Górniak. С. 3–13.
20. Нерсисянц В.С. Философия права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2013. 835 с.
21. Орлова О.В. Роль государства и права в гражданском обществе // *Труды Института государства и права РАН*. 2016. № 1. С. 48–61.
22. Лукьянова Е.Г. Концепции закона и современное государственно-правовое развитие // *Труды Института государства и права РАН*. 2016. № 1. С. 133–149.
23. Агамиров К.В. Прогнозирование в теории и социологии права // *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2015. № 1. С. 14–18.
24. Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса. М. : Норма: ИНФРА-М, 2017. 96 с.
25. Регулирующее воздействие: методики и опыт / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М. : Юриспруденция, 2016. 72 с.
26. Тихомиров Ю.А. Государство: сильное или слабое // *Труды Института государства и права РАН*. 2016. № 2. С. 39–51.
27. Тихомиров Ю.А. Юридическое прогнозирование : науч.-практ. пособие. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 2018. 168 с.
28. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // *Российская газета*. Федеральный выпуск № 7689. 09.10.2018. URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniyami.html> (дата обращения: 04.09.2020).
29. Злобин Г.А. Социологические исследования и совершенствование законодательства // *Проблемы совершенствования советского законодательства*. М., 1976. Вып. 5. С. 16–29.
30. Тихомиров Ю.А. Правоприменение: от эпизодичности к целевой результативности // *Журнал российского права*. 2017. № 1. С. 55–62.
31. Регулирующее воздействие: методики и опыт / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М. : Юриспруденция, 2016. 72 с.
32. Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М. : Наука, 1980. 271 с.
33. Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. М.Д. Лахути, Л.Б. Макеевой ; ред. Л.Б. Макеева. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 392 с.
34. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: Введение в теорию. Красноярск : ИЦ КрасГУ, 2004. 260 с.
35. Сырых В.М. История и методология юридической науки : учебник. М. : Норма: ИНФРА-М, 2018. 464 с.
36. Агамиров К.В. Методика юридического прогнозирования как инструмент реализации прогноза // *Человеческий капитал*. 2014. № 8. С. 74–77.

37. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М. : Формула права, 2010. 400 с.
38. Правовые модели и реальность / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. М. : ИНФРА-М, 2016. 280 с.
39. Ершов В.В. Индивидуальное правовое регулирование? Саморегулирование? // Российское правосудие. 2013. № 10. С. 5–14.
40. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М. : РГУП, 2018. 628 с.
41. Дидикин А.Б. Оценка регулирующего воздействия и нормотворчество : сб. ст. Екатеринбург : Издательские решения, 2019. 50 с.
42. Дидикин А.Б. Оценка регулирующего воздействия как инструмент профессиональной оценки рисков и повышения качества российского законодательства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 4. С. 136–143.
43. Кожокаръ И.П. Дефекты нормативно-правового регулирования. М. : Проспект, 2019. 296 с.
44. Aristei D., Vecchi M., Venturini F. University and inter-firm R&D collaborations: propensity and intensity of cooperation in Europe // The Journal of Technology Transfer. 2015. doi: 10.1007/s10961-015-9403-1
45. Глянцева Д.Ю. Информация и уставный капитал // Мир экономики и права. 2014. № 12. С. 65–69.
46. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 4-е изд. М. : СГУ, 2008. 521 с.
47. Кудрявцев В.Н. Конституция СССР и дальнейшее развитие советского права // Вестник Академии наук СССР. 1978. № 10. С. 5–18.
48. Лукашева Е.А. Общеправное право как средство государственной деятельности // Советское государство в условиях развитого социалистического общества. М. : Наука, 1978. С. 125–153.
49. Лукьянова Е.Г. Правовая система России: современные тенденции развития // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 6. С. 6–23.
50. Ткаченко Ю.Г. Некоторые методологические проблемы теории правоотношений. // Труды ВЮЗИ. 1975. Т. 39. С. 3–102.
51. Исаков Н.В., Мазуренко А.П. Принципы и приоритеты современной российской правотворческой политики // Правотворческая политика в современной России : курс лекций / под ред. А.В. Малько. Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2013. С. 46–64.
52. Строгович М.Г. Основные вопросы советской социалистической законности. М. : Наука, 1966. 252 с.
53. Баранов В.М., Ремизов П.В. Критика законодательства: доктрина, практика, техника. М. : Проспект, 2018. 352 с.
54. Агамиров К.В. Прогностическая характеристика взаимодействия и взаимной ответственности государства и личности // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6, № 3. С. 337–339.
55. Агамиров К.В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы. М. : Проспект, 2021. 528 с.

References

1. Gabrelyan, E.V. (2016) Teoreticheskaya interpretatsiya gosudarstva epokhi moderna [Theoretical interpretation of the state of the modern era]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 1. pp. 128–131.
2. Lapaeva, V.V. (2000) *Sotsiologiya prava* [Sociology of Law]. Moscow: Norma INFRA-M.
3. Ihering, R. von (1991) *Bor'ba za pravo* [Struggle for Law]. Translated from German by S.I. Ershov. Moscow: Feniks.

4. Ekimov, A.I. (2015) "Konvergentnaya model" razvitiya obshchestva i pravo [The "convergent model" of the development of society and law]. *Pravo i so-vremennyye gosudarstva – Law and Modern States*. 4. pp. 11–18. DOI: 10.14420/ru.2015.4.2
5. Alekseev, S.S. (2006) *Liniya prava* [Law Line]. Moscow: Statut.
6. Alekseev, S.S. (2000) *Pravo na poroge novogo tysyacheletiya. Nekotorye tendentsii miro-vogo pravovogo razvitiya – nadezhda i drama sovremennoy epokhi* [Law on the threshold of the new millennium. Some trends in world legal development are the hope and drama of the modern era]. Moscow: Statut.
7. Vinx, L. (2007) *Hans Kelsen's pure theory of law: legality and legitimacy*. Oxford: Oxford University Press.
8. Kudryavtsev, V.N. & Razumovich, N.N. (eds) (1987) *Chistoe uchenie o prave Gansa Kel'zena: k XIII kongressu Mezhdunarodnoy assotsiatsii pravovoy i sotsial'noy filosofii (Tokio, 1987)* [Pure doctrine of law by Hans Kelsen: To the 13th Congress of the International Association of Legal and Social Philosophy (Tokyo, 1987)]. Vol. 1. Translated by S.V. Lezov, Yu.S. Pivovarov. Moscow: INION RAS.
9. Kelsen, H. (1934) The Pure Theory of Law, Its Method and Fundamental Concepts. *Law Quarterly Review*.
10. Varlamova, N.V. (2006) Pravotvorchestvo kak protsess pozitivatsii prava: soderzhanie, formy, protsedury [Law-making as a process of positivization of law: content, forms, procedures]. In: Sokolova, N.S. (ed.) *Pravovaya politika i puti sovershenstvovaniya pravotvorcheskoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii* [Legal Policy and Ways of Improving Law-Making Activities in the Russian Federation]. Moscow: RUNB. pp. 368–393.
11. Grafskiy, V.G. (2016) *Vseobshchaya istoriya prava i gosudarstva* [General History of Law and State]. 3rd ed. Moscow: Norma: INFRA-M.
12. Smirnov, V.V., Agamirov, K.V. & Frolova, E.E. (2018) Natsional'naya bezopasnost' i mo-dernizatsiya prava. Chast' I [National security and modernization of law. Part I]. *Obrazovanie i pravo – Education and Law*. 9. pp. 32–40.
13. Startsun, V.N., Agamirov, K.V. & Ovcharov, O.A. (2019) Religious rights of Russian servicemen in the context national security. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 3. pp. 17–25. (In Russian).
14. Vasiliev, A.M. (1976) *Pravovye kategorii. Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategoriy teorii prava* [Legal categories. Methodological aspects of development of the system of categories of the theory of law]. Moscow: Yurid. lit.
15. Anon. (1979) O ponimaniy sovetskogo prava: "kruglyy stol" "Sovetskogo gosudarstva i prava" [On the understanding of Soviet law: A "round table" "Soviet state and law"]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 7. pp. 56–74.
16. Levanskiy, V.A. (1986) *Modelirovanie v sotsial'no-pravovykh issledovaniyakh* [Modeling in socio-legal research]. Moscow: Nauka.
17. Stovba, A.V. (2006) *Pravovaya situatsiya kak istok bytiya prava* [The legal situation as the source of law existence]. Kharkov: Lisyak L.S.
18. Agamirov, K.V. (2013) Novyy tip pravoponimaniya [A new type of legal understanding]. *Chelovecheskiy kapital – Human Capital*. 11. pp. 15–22.
19. Agamirov, K.V. (2015) Universal'noe pravo [Universal law]. In: Górnjak, S. (ed.) *Nauka: teoriya i praktika – 2015* [Science: Theory and Practice – 2015]. Vol. 2. Warsaw: [s.n.], pp. 3–13.
20. Nersesyants, V.S. (2013) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. 2nd ed. Moscow: Norma: INFRA-M.
21. Orlova, O.V. (2016) Rol' gosudarstva i prava v grazhdanskom obshchestve [The role of state and law in civil society]. *Trudy Insti-tuta gosudarstva i prava RAN*. 1. pp. 48–61.
22. Lukyanova, E.G. (2016) Kontseptsii zakona i sovremennoe gosudarstvenno-pravovoe raz-vitie [Concepts of law and modern state and legal development]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 1. pp. 133–149.

23. Agamirov, K.V. (2015) Forecasting in the theory and sociology of law. *Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata – Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*. 1. pp. 14–18. (In Russian).
24. Kerimov, A.D. & Kuksin, I.N. (2017) *Sil'noe gosudarstvo kak opredelyayushchiy faktor obshchestvennogo progressa* [A strong state as a determining factor in social progress]. Moscow: Norma: INFRA-M.
25. Tikhomirov, Yu.A. (2016) *Reguliruyushchee vozdeystvie: metodiki i opyt* [Regulatory impact: Methods and Experience]. Moscow: Yurisprudentsiya.
26. Tikhomirov, Yu.A. (2016) Gosudarstvo: sil'noe ili slaboe [State: strong or weak]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 2. pp. 39–51.
27. Tikhomirov, Yu.A. (2018) *Yuridicheskoe prognozirovanie* [Legal Forecasting]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of Russian Federation.
28. Zorkin, V.D. (2018) Bukva i dukh Konstitutsii [The letter and spirit of the Constitution]. *Rossiyskaya gazeta*. 7689. 10th October 2018. [Online] Available from: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniyami.html> (Accessed: 4th September 2020).
29. Zlobin, G.A. (1976) *Sotsiologicheskie issledovaniya i sovershenstvovanie zakonodatel'stva* [Sociological research and improvement of legislation]. *Problemy sovershenstvovaniya sovetskogo zakonodatel'stva*. 5. pp. 16–29.
30. Tikhomirov, Yu.A. (2017) Pravoprimenenie: ot epizodichnosti k tselevoy rezul'tativnosti [Law enforcement: from episodic to targeted performance]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 1. pp. 55–62.
31. Tikhomirov, Yu.A. (2016) *Reguliruyushchee vozdeystvie: metodiki i opyt* [Regulatory impact: Methods and Experience]. Moscow: Yurisprudentsiya.
32. Pashukanis, E.B. (1980) *Izbrannye proizvedeniya po obshchey teorii prava i gosudarstva* [Selected Works on the General Theory of Law and State]. Moscow: Nauka.
33. Dvorkin, R. (2004) *O pravakh vs'er'ez* [Seriously about rights]. Translated from English by M.D. Lakhuti, L.B. Makeeva. Moscow: ROSSPEN.
34. Shafirov, V.M. (2004) *Estestvenno-pozitivnoe pravo: Vvedenie v teoriyu* [Naturally positive law: Introduction to theory]. Krasnoyarsk: ITs KrasSU.
35. Syrykh, V.M. (2018) *Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki* [History and Methodology of Legal Science]. Moscow: Norma: INFRA-M.
36. Agamirov, K.V. (2014) Metodika yuridicheskogo prognozirovaniya kak instrument rea-lizatsii prognoza [Methodology of legal forecasting as tool for the implementation of the forecast]. *Chelovecheskiy capital – Human Capital*. 8. pp. 74–77.
37. Tikhomirov, Yu.A. (2010) *Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika* [Legal Regulation: Theory and Practice]. Moscow: Formula prava.
38. Tikhomirov, Yu.A., Rafalyuk, E.E. & Khludeneva, N.I. (eds) (2016) *Pravovye modeli i real'nost'* [Legal Models and Reality]. Moscow: INFRA-M.
39. Ershov, V.V. (2013) Individual'noe pravovoe regulirovanie? Samoregulirovanie? [Individual legal regulation? Self-regulation?]. *Rossiyskoe pravosudie*. 10. pp. 5–14.
40. Ershov, V.V. (2018) *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh ottnoshe-niy* [Legal and individual regulation of public relations]. Moscow: RGUP.
41. Didikin, A.B. (2019) *Otsenka reguliruyushchego vozdeystviya i normotvorchestvo* [Regulatory impact assessment and rulemaking]. Ekaterinburg: Izdatel'skie resheniya.
42. Didikin, A.B. (2018) Regulatory impact assessment as a tool for professional risk assessment and quality improvement of Russian legislation. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 4. pp. 136–143. (In Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.136-143
43. Kozhokar, I.P. (2019) *Defekty normativno-pravovogo regulirovaniya* [Defects in legal regulation]. Moscow: Prospekt.

44. Aristei, D., Vecchi, M. & Venturini, F. (2015) University and inter-firm R&D collaborations: propensity and intensity of cooperation in Europe. *The Journal of Technology Transfer*. 41. pp. 841–871. DOI: 10.1007/s10961-015-9403-1
45. Glyantseva, D.Yu. (2014) Informatsiya i ustavnyy kapital [Information and authorized capital]. *Mir ekonomiki i prava*. 12. pp. 65–69.
46. Kerimov, D.A. (2008) *Metodologiya prava. Predmet, funktsii, problemy filosofii prava* [Methodology of Law. Subject, Functions, Problems of the Philosophy of Law]. 4th ed. Moscow: SGU.
47. Kudryavtsev, V.N. (1978) Konstitutsiya SSSR i dal'neyshee razvitie sovetskogo prava [The Constitution of the USSR and the further development of Soviet law]. *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 10. pp. 5–18.
48. Lukasheva, E.A. (1978) Obshchenarodnoe pravo kak sredstvo gosudarstvennoy deyatel'nosti [Public law as a means of state activity]. In: Institute of State and Law (USSR Academy of Sciences). *Sovetskoe gosudarstvo v usloviyakh razvitogo sotsialisticheskogo obshchestva* [Soviet state in the conditions of a developed socialist society]. Moscow: Nauka., pp. 125–153.
49. Lukyanova, E.G. (2016) Pravovaya sistema Rossii: sovremennyye tendentsii razvitiya [The legal system of Russia: modern development trends]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 6. pp. 6–23.
50. Tkachenko, Yu.G. (1975) Nekotorye metodologicheskie problemy teorii pravootnosheniy [Some methodological problems of the theory of legal relations]. *Trudy VYuZL*. 39. pp. 3–102.
51. Isakov, N.V. & Mazurenko, A.P. (2013) Printsipy i priority sovremennoy rossiyskoy pravotvorcheskoy politiki [Principles and priorities of modern Russian law-making policy]. In: Malko, A.V. (ed.) *Pravotvorcheskaya politika v sovremennoy Rossii* [Law-making policy in modern Russia]. Saratov: Saratov State Law Academy. pp. 46–64.
52. Strogovich, M.G. (1966) *Osnovnye voprosy sovetskoy sotsialisticheskoy zakonnosti* [Basic questions of Soviet socialist legality]. Moscow: Nauka.
53. Baranov, V.M. & Remizov, P.V. (2018) *Kritika zakonodatel'stva: doktrina, praktika, tekhnika* [Criticism of legislation: doctrine, practice, technique]. Moscow: Prospekt.
54. Agamirov, K.V. (2017) Prognosticheskaya kharakteristika vzaimodeystviya i vzaimnoy otvetstvennosti gosudarstva i lichnosti [Prognostic characteristic of interaction and mutual responsibility of the state and the individual]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 6(3). pp. 337–339.
55. Agamirov, K.V. (2021) *Yuridicheskoe prognozirovaniye kak faktor sovershenstvovaniya rossiyskoy pravovoy sistemy* [Legal forecasting as a factor in improving the Russian legal system]. Moscow: Prospekt.

Информация об авторе:

Агамиров К.В. – доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: agamirow@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.V. Agamirov, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: agamirow@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.10.2021;
одобрена после рецензирования 17.03.2022; принята к публикации 14.03.2023.

The article was submitted 12.10.2021;
approved after reviewing 17.03.2022; accepted for publication 14.03.2023.